

Взаимоотношения вольного казачества и Российского государства в XVI – начале XVIII в.: историографические подходы и исторические реалии

Николай Никитин

**Mutual relations of the free Cossacks and the Russian state
in the 16th – early 18th centuries:
historiographical approaches and historical realities**

Nikolay Nikitin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870001532-3

Чтобы понять характер взаимоотношений Донского, Яицкого и Терско-Гребенского «войск» с Российским государством, нужно прежде всего выяснить социальный статус вольного казачества в русском обществе XVI–XVII вв. Вопрос этот не так прост, как может показаться на первый взгляд. Если под сословиями традиционно понимать социальные группы, обладающие определяемыми законом (или обычаем) и передаваемыми по наследству правами и обязанностями, то неизбежен вывод (сделанный мною ещё в 1994 г.), что вольное казачество до конца XVII в. фактически не являлось сословием Русского государства, ибо находилось тогда вне пределов его юрисдикции¹.

И в самом деле. В Москве сношениями с вольными казаками ведал Посольский приказ, и, как вспоминал в 1666 г. служивший там ранее подьячим Григорий Котошихин, когда казачьи депутации приезжали в Москву, им оказывалась честь «как чужеземским нарочитым людям». По словам того же Котошихина, вольные казаки «судятца во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу. А кого лучитца им казнити за воровство, или за иные дела, и не за крепкую службу, и тех людей, посадя на площади или на поле, из луков или из пищалей розстреливают сами; так же будучи на Москве или в полках, кто что сворует, царского наказания и казней не бывает, а чинят они меж собою сами ж». Но, пожалуй, наиболее полно правовой иммунитет вольных казаков проявлялся в их неподсудности московским властям за преступления, совершённые до приобретения казачьего статуса. Как писал Котошихин, преступники, «быв на Дону хотя одну неделю или месяц, а лучитца им с чем-нибудь приехать к Москве, и до них вперед дела никакова ни в чем не бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед свобождаютца»².

Принцип «С Дона выдачи нет!» являлся незыблемым и определяющим во взаимоотношениях Москвы и вольных казаков до начала XVIII в. Он был хорошо известен в Русском государстве и не мог не броситься в глаза сторонним

© 2018 г. Н.И. Никитин

¹ *Никитин Н.И.* Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесловных и внеклассовых социальных слоёв // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Международная конференция – Чтения памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1994. С. 3–4.

² *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 159.

наблюдателям. Английский дипломат Чарльз Уитворт (1675–1725), считавший, что «управление казаков — разновидность военной демократии», писал: «Казаки пользуются очень большими привилегиями, одна из самых значительных состояла в том, что всякий крестьянин или невольник, оказавшийся в их стране, получал свободу и не мог быть востребован своим хозяином или правительством московитов»³. Кроме того, вольные казаки, по крайней мере до середины XVII в., придерживались мнения о добровольном характере своей службы «великому государю» и считали себя вправе свободно «отъезжать» с неё⁴. А главное, в основном своде законов Московского государства — Соборном уложении 1649 г. — все статьи «о казаках» относятся лишь к представителям служилого, «городового» казачества, и нет ни одной статьи о казачестве вольном.

По мнению политолога А.Е. Мохова, «подразумевалось, что Уложение 1649 г. распространялось на всех казаков, проживавших как на территории Российского царства, так и вне его (но периодически нанимавшихся на службу по договору к российским государям)»⁵, однако на каких данных основано такое заключение, остаётся неизвестным. Непонятно также, почему, прекрасно зная все эти особенности взаимоотношений Московского государства с вольным казачеством, некоторые видные историки — А.П. Пронштейн, Н.А. Мининков, А.Л. Станиславский, В.Д. Назаров — считали возможным говорить о вольных казаках XVII в. как о «сословии» («особом сословии»), не предлагая при том каких-либо новых (отличных от вышеприведённого) определений этого понятия⁶.

Особую (хоть и небольшую) группу составляют исследователи, задающиеся вопросом: «казаки — сословие или этнос?». Он порой формулируется в самом названии посвящённых казачеству работ и не может не вызывать недоумения. Ведь в первом случае речь идет о *социальной* принадлежности, а во втором — об *этнической*, и их сопоставление подобно сравнению пудов с аршинами. Тем не менее такой вопрос ставится не только дилетантами⁷, но и учёными, в частности доктором исторических наук С.А. Головановой, которая в итоге пространных рассуждений пришла к заключению, что «казачество более соответствует определению этника» (признавая, правда, что это понятие «так и не утвердилось в этнологии») ⁸.

Новые дефиниции и новые трактовки проблем, связанных с изучением социальной структуры Российского государства XVI–XVIII вв., — характерная примета последнего десятилетия. Ряд отечественных историков (Б.Н. Миронов, А.Б. Каменский, В.Б. Перхавко и др.) полагают, что до XVIII–XIX вв. сословий в нашей стране не существовало (а были «социальные группы»). Е.Н. Марасинова резонно объясняет их позицию влиянием западноевропейской историографии, усилившимся в годы «активизации научных кон-

³ Уитворт Ч. Россия в начале XVIII века. М.; Л., 1988. С. 63.

⁴ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 10.

⁵ Мохов А.Е. Казачество и Российское государство. М., 2011. С. 25.

⁶ Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967; Nasarow W. Der Platz der Bauernkriege Russlands in der Geschichte des Klassenkampfes Europas // Die historisch vergleichende Methode in der sowjetischen Mediavistik. М., 1980. S. 175–176; Станиславский А.Л. Гражданская война в России... С. 7, 10–11.

⁷ Никитин В.Ф. Казачество. Нация или сословие? М., 2007.

⁸ Голованова С.А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции. Вторая половина XVI — XIX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Армавир, 2005; Голованова С.А. Этнические и сословные характеристики южнороссийского казачества // Фольклор казачества как неотъемлемая часть северо-кавказского пространства. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2010. С. 74–82.

тактов». Они спровоцировали восприятие западноевропейского образца как эталонного и соответственно привели к известному «европоцентризму» при интерпретации некоторых процессов развития российской государственности и «ориентации на западную модель». Марасинова вместе с тем отмечает, что большинство наших историков в настоящее время всё же признаёт сословный характер российского общества в XVI–XVII вв., как и «приоритет социально-сословных категорий над религиозными и этническими в политике Российского государства»⁹.

К числу таких исследователей принадлежит, например, А.И. Агафонов. Однако относительно казачества его позиция несколько противоречива. С одной стороны, он считает, что «в конце XVI — в первой половине XVII в. правительство, стремясь подчинить себе казачество, признало его особым служилым сословием, которое находилось за пределами государственного и административного управления, вне сферы феодального подчинения и эксплуатации», а с другой стороны, по словам исследователя, «едва ли можно говорить о том, что в XVI–XVII вв. казачество России обладало совокупностью всех сословных признаков или многими из них»¹⁰. «Включение в состав служилых сословий», писал Агафонов, произошло после «приведения казачества к присяге во второй половине XVII в.» (точнее, в 1671 г. — *Н.Н.*), а также в связи с «реорганизацией и укреплением армии и государства в начале XVIII в.». Требуется уточнение и трактовка Агафоновым позиций «большинства советских учёных», которые, по его версии, исходя из определения К. Маркса (в конспекте книги Н.И. Костомарова о Разине), считали, что казачество «было признано правительством в начале XVII в. особым служилым сословием наравне со стрельцами, пушкарями и воротниками»¹¹. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с широко распространённой в нашей литературе практикой объединения под «казачеством» двух сильно различающихся в XVI–XVII вв. по своему положению социальных категорий — казачества *городового*, служившего «по стрелецкому уряду», и казачества *вольного*. Так, тверской историк О.Г. Усенко писал, что донские казаки XVII в. «относились к “служилым людям по прибору”»¹². Фактически не разграничивают вольное и служилое (городовое) казачество И.Ю. Ерохин¹³ и некоторые активисты «казацкого возрождения»¹⁴.

О городском казачестве наша общественность, как правило, знает крайне мало и часто переносит на него свои представления о более известном ему вольном казачестве. Характерный тому пример — произведение известного советского поэта С.С. Наровчатова «Песня про атамана Семёна Дежнёва, славный город Великий Устюг и Русь Заморскую», где типичный представитель городского казачества и его подчинённые выглядят как заурядная ватага вольных казаков¹⁵.

⁹ Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 12–14.

¹⁰ Агафонов А.И. Казачество Российской империи: некоторые теоретические и методологические проблемы изучения // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Материалы конференции. Ростов н/Д, 1995. С. 21, 22.

¹¹ Агафонов А.И. Казачество Российской империи: некоторые историографические и методологические проблемы изучения // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвящённых памяти А.А. Зимина. М., 1990. С. 11, 12.

¹² Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Ч. 2. Тверь, 1995. С. 52, 54.

¹³ Ерохин И.Ю. Казачество и государственность // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 3–4. С. 48–51.

¹⁴ Никитин В.Ф. Казачество. Нация или сословие? С. 9, 133–134.

¹⁵ См.: Наровчатов С. Стихи. М., 1965. С. 228–251. Примечательно, что автор этого произведения закончил перед Великой Отечественной войной Институт истории, философии и литературы.

Разницу между ними не всегда понимают историки, но прекрасно понимали современники, включая иностранцев. По мнению О.Ю. Куца, само выражение «вольные казаки», появившееся в конце XVI в., «возникло в первую очередь для отличия таковых от служилых, городовых казаков»¹⁶. (И не случайно французский наёмник капитан Маржерет в начале XVII в., быстро разобравшись в русских делах, счёл нужным выделить в своих записках из общей массы казаков тех, кого назвал «настоящими казаками»: они, по его словам, «держатся в татарских полях вдоль таких рек, как Волга, Дон, Днепр и другие»)¹⁷. С.К. Сагнаева полагает, что «процесс формирования казачества как сословия, начавшийся в конце XVII — начале XVIII в. в Донском, Яицком, Терском войсках, завершился лишь в XIX в., что нашло отражение в соответствующих документах»¹⁸. С Сагнаевой в этом вопросе можно согласиться полностью, а вот с О.Ю. Куцем — лишь частично. В его монографии говорится, что в XVII в. «донские казаки — пусть формально — принадлежали к русскому обществу», и оспаривается мнение Н.А. Мининкова, который, доказывая нахождение казаков вне государственной юрисдикции, ссылаясь на приведённую выше фразу Г. Котошихина о неподсудности казаков московским властям. Как справедливо полагает Куц, «данную фразу нельзя понимать буквально. Речь здесь идёт, вероятно, только о конфликтах внутри казачьих отрядов. В случаях, когда дело касалось преступления не внутри казачьей группы, а на стороне, провинившиеся казаки попадали под действующие внутри страны нормы».

Это утверждение убедительно подкрепляется конкретными примерами наказаний для действовавших в составе московского войска вольных казаков за грабежи и убийства мирных жителей, а общий вывод исследователя выглядит так: «“Вольное донское казачество” в какой-то степени являлось (впрочем, особой и своеобразной) социальной группой русского общества со своими важными отличительными чертами — правом жить не в границах государства, правом собственного внутреннего управления и суда, а также... правом внешних сношений и самостоятельного ведения боевых действий, кроме того, “правом” приёма беглых... Правда, чёткие политические и социальные рамки донского казачества в XVII в. ещё не устоялись и изменялись в связи с ходом московско-донских отношений, пока этот процесс не завершился в XVIII в. ... В целом сходным было, судя по всему, и положение в XVII в. терско-гребенского и яицкого казачьих сообществ»¹⁹. Полагаю, что отмеченные О.Ю. Куцем «отличительные черты» в положении казачества можно объяснить гораздо проще — *вассальным* характером «московско-донских отношений», где сюзереном, естественно, выступало Московское государство, вассалом — Войско Донское (как и Войско Яицкое или Терское). Сюзерен не вмешивался во внутренние дела вассалов, но имел право жестоко их наказывать за причиняемый ему вред.

Эта мысль не нова. Её высказывал ещё С.И. Тхоржевский в 1923 г. «Донское войско следует считать вассальным государством, находящимся под сюзеренитетом Москвы, — писал он. — Такие отношения возникают при столкновении двух государств различных культур, причём сильнейшее оставляет нетронутым внутренний строй слабейшего и ограничивается подчинением себе его внешних отношений, усиливая свою политическую мощь получением с него дани или военной помощи... Донское войско по своему экономическому развитию стояло ниже Московской Руси и, естественно, могло оказывать ей помощь не данью (оно, напротив, само получало “жалованье”), а преимущественно

¹⁶ См: Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 341–342.

¹⁷ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. М., 2007. С. 151–152.

¹⁸ Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX века (развитие этнических традиций). М., 1993. С. 18.

¹⁹ Куц О.Ю. Донское казачество... С. 344–345, 348, 355–356.

своими военными действиями, как и Запорожское Войско по отношению к Польше и Крымская орда — к Турции. Донское Войско было своеобразным государством-войском, обязанным служить Московскому государству в делах военных и, отчасти, внешней политики, но совершенно самостоятельным в делах внутренних»²⁰. Здесь, на мой взгляд, всё верно, кроме, конечно, уподобления Войска Донского государству, но это уже особая тема, требующая отдельного рассмотрения²¹.

Мнение о вассальном характере зависимости Дона в XVII в. от Москвы широко представлено и в современной литературе. Его, в частности, высказывали Н.А. Мининков, считающий, что после 1671 г. эти отношения уже приняли характер подданства, и авторы коллективного труда «Казачий Дон: очерки истории», полагающие, что в 1671–1721 гг. «развитие отношений России и Дона... можно охарактеризовать как состояние колониальной автономии», когда «Войско Донское фактически входит в состав Российского государства, но пока сохраняет своё республиканское устройство и управление с определёнными правоограничениями»²².

Формальная и реальная стороны московско-донских взаимоотношений обычно хорошо различимы. В переписке с Москвой казаки, подобно всем служилым людям Русского государства XVI–XVII вв. (от бояр и воевод до стрельцов и пушкарей) именовали себя «холопами великого государя» (порой даже — «вековыми» или «природными холопами»), а территорию, на которой проживали, называли «государевой вотчиной». При этом они считали свою службу «государю» сугубо добровольной, могли убить царского посланника, если тот прибывал на Дон с «неподобающими», по мнению казаков, предложениями и требованиями, открыто грозили Москве свою «реку покинуть впусте», если им не будет прислано жалованье и т.д., что демонстрирует во многом формальный характер их «служилого» статуса²³.

Общие оценки правительственной политики по отношению к вольному казачеству в современной историографии неоднозначны. Наиболее распространённая к настоящему времени точка зрения представлена в капитальной монографии Н.А. Мининкова «Донское казачество в эпоху Позднего Средневековья». Касаясь значения «царских отпусков» для Дона, её автор пишет, что «государево жалованье» помогало казакам выжить, когда у них не было возможности предпринять походы «за зипунами», и рассматривает это жалованье не только как плату за выполнение казаками определённых поручений Москвы и одну из форм экономической и политической поддержки казачества, но и как способ и средство ограничения разбойного образа жизни казаков. А.И. Агафонов в рецензии на монографию Мининкова развивает эту мысль и считает необходимым учитывать и другую роль «отпусков»: «Благодаря царскому жалованью правительство формировало у казачества представления о зависимом, служебном характере отношений между Московским государством и войском Донским, которые с начала XVIII в. воспринимались как естественные и “издревле” существовавшие»²⁴.

²⁰ Тхоржевский С. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Сб. 3. Пг.: М., 1923. С. 27–28.

²¹ О комплексе связанных с этой темой вопросов см.: Никитин Н.И. О социальной природе казачьих сообществ XVI–XVII веков // Исторические записки. Вып. 16(134). М., 2016. С. 172–215.

²² Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху Позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998; Мининков Н.А. Враги или злодеи? // Родина. 2004. № 5. С. 72; Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 84.

²³ См.: Тхоржевский С. Указ. соч. С. 27; Куц О.Ю. Донское казачество... С. 343–344.

²⁴ Агафонов А.И. [Рец. на:] Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998 // Донской временник. 2002. Ростов н/Д, 2002 (URL.: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m20/0/art.aspx?art_id=400).

Следует признать, что несмотря на все осложнения во взаимоотношениях Москвы и вольного казачества в XVII — начале XVIII в., которые порой приобретали крайне острые формы, правительственная политика по его интеграции в классово-сословную структуру российского общества увенчалась полным успехом. Как замечает М.А. Рыблова, «метрополия» и казачьи сообщества составили «единую систему», и не случайно «идея служения родине» стала «ключевой в казачьем фольклоре»²⁵. В.В. Трепавлов обратил внимание на то, что «гордые, самолюбивые донские казаки относились к Руси иначе, чем к другим своим соседям — Турции, Крыму или Ногайской Орде. Свои действия по предотвращению татарских набегов на южное российское пограничье они расценивали как щит против “нехристей”, держание “Божьей дороги”»²⁶.

Сложнее была позиция запорожцев, которые не раз вступали в союзные отношения с Крымским ханством (главным образом для противодействия Речи Посполитой) и нередко объединялись с татарами даже для нападений на приграничные русские земли. При этом, как подчёркивает Б.Н. Флоря, в казацко-татарских отношениях превалировала конфронтационная сторона: «Это был стихийный, но именно поэтому особенно прочный антагонизм двух сил, каждая из которых стремилась утвердиться на одних и тех же территориях Дикого поля», а «остроте антагонизма способствовало убеждение казаков, широко отразившееся в источниках конца XVI — первой половины XVII века, что, нападая на татар и отражая их нападения, они выполняют важное дело защиты христианского мира от “неверных”»²⁷.

На отношения вольного казачества с турецко-татарским миром в современной литературе существуют и иные взгляды. Краснодарский историк Д.В. Сень полагает, что в XVII — начале XVIII в. казакам, по большому счёту, было всё равно, кому служить; привязанность казаков к Москве как духовному центру была слабой. Исследователь высказал мнение о «равностатусности» в их глазах русского царя и турецкого султана. Более того, после церковного раскола вольное казачество разочаровалось в Московском государстве, и статус Крымского ханства и Османской империи стал в массовом сознании казаков даже более предпочтительным²⁸. Столь радикальный пересмотр установившихся в историографии взглядов на отношение вольных казаков к Москве не нашёл поддержки. Краснодарские историки И.Ю. Васильев и А.И. Зудин подвергли концепцию Сени критике, отметив недоказанность основных её положений. По их мнению, «многие выводы монографии Д.В. Сени выглядят неубедительно и имеют ярко выраженную политическую ангажированность»²⁹.

Некоторые активисты «казачьего возрождения» идут в оценке характера взаимоотношений вольного казачества и Российского государства ещё дальше, усматривая в сотрудничестве с российской властью лишь отрицательные для казаков последствия. Утверждается, например, что Россия отобрала у Войска Донского море, коим оно привыкло владеть «сотни лет», а также лучшие земли и превратила его территорию в свою колонию³⁰. Сочинения самодельных «казачьих историков», концептуально восходящие к казачьей эмигрантской ли-

²⁵ Рыблова М.А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI — первой трети XIX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. С. 24.

²⁶ Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 409.

²⁷ Флоря Б.Н. Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995. С. 51, 55.

²⁸ Сень Д.В. «У какого царя живем, тому и служим...» // Родина. 2004. № 5. С. 73–76; Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII — XVIII в.). Ростов н/Д, 2009.

²⁹ Васильев И.Ю., Зудин А.И. К вопросу о «многовекторности» развития раннего казачества на Северо-Западном Кавказе // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 6. Краснодар, 2011. С. 31.

³⁰ Вареник В.И. Происхождение донского казачества. Ростов н/Д, 1996. С. 56; Алмазов Б.А. Мы казачьего рода. Хельсинки, 2008. С. 481.

тературе 1920–1950-х гг., порой проникнуты откровенной неприязнью к России, которая изображается ими как извечный враг казачества, «поработивший» его благодаря своему коварству и запредельной жестокости³¹.

Авторы подобных утверждений не хотят видеть очевидного — взаимовыгодности «российско-казацких» отношений и совсем не принимают в расчёт то, что России приходилось не только помогать казакам вооружением, боеприпасами и продовольствием, но и напрямую спасать их от физического уничтожения. После самовольного (без санкции Москвы) захвата казаками турецкой крепости Азов (1637) и знаменитого «Азовского осадного сиденья» (1641) Войско Донское оказалось обескровлено, его численность сократилась с 10 (накануне «сиденья») до 5 (а по некоторым данным до 4) тыс. человек³². Особенно сильный удар был нанесён донцам в 1643 г., когда турецко-татарское войско, мстя за азовский позор, разгромило их главные силы на Монастырском острове. Там погиб цвет донского казачества, около 2 тыс. женщин и детей попали в плен, а вражеские набеги на донские селения всё продолжались³³. Как сообщали казаки в апреле 1644 г. в Москву, они «людьми на Дону в конец оскудели в... бусурманские... приходы, и в осады, и во многие большие битвы, люд у нас стал повыбит весь, а малым нам людом без твоей государевой помощи без ратных людей противу их бусурманских больших приходов стоять будет не уметь... и в конец будет погибнуть»³⁴.

Московское правительство хоть и отказалось включить Азов в состав России, но помощь казакам оказало большую. В 1646–1648 гг., когда донцам, по их собственному признанию, из-за усилившегося нажима турок и татар «жить стало не под силу» и возникла реальная угроза захвата турками всего Нижнего Дона, туда были направлены воинские отряды (около 10 тыс. человек), специально сформированные для «донской службы» в южнорусских уездах, вооружённые и снаряжённые за счёт «государевой казны». Были сняты практически все ограничения и препоны для жителей южнорусских уездов, желавших отправиться на Дон. Эти беспрецедентные шаги наглядно показали, насколько московское правительство было заинтересовано в сохранении вольного казачества на Дону. Бытует мнение, что попытка искусственно увеличить его численность не удалась³⁵. Полностью с ним нельзя согласиться. Из 10 тыс. отправленных на Дон ратников впоследствии там осталось около 2 тыс., что при численности уцелевших после Азова казаков в 4–5 тыс. человек было совсем не мало.

В отношении других казачьих регионов о «пагубной» для судеб казачества политике Российского государства пишется в последнее время тоже много, в том числе и серьёзными историками. В фундаментальном исследовании С.А. Козлова «Кавказ в судьбах казачества» (вышедшей двумя изданиями) красной нитью проходит мысль о том, что Россия втянула терских и гребенских казаков в бесконечные столкновения с горцами. По мнению историка, до XVIII в. между казаками и горцами царили «взаимоотношения на принципах добрососедства, сотрудничества и взаимной выгоды», а если и происходили конфликты, то для их урегулирования существовали «многовековые традиции разрешения споров», что и было нарушено Россией³⁶.

³¹ Никитин В.Ф. Казачество. Нация или сословие? С. 131, 241, 407, 409.

³² Проништейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 82; Куц О.Ю. Донское казачество... С. 263.

³³ Селищев Н.Ю. Казаки и Россия. М., 1992. С. 52.

³⁴ Цит. по: Пушкин С.Г. Донское казачество и Московское государство в XVII в. // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 115.

³⁵ Дружинин В.Г. Попытки московского правительства увеличить число казаков на Дону в середине XVII века. СПб., 1911. С. 3–8; Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху Позднего Средневековья (до 1671 г.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1995. С. 17.

³⁶ Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). Изд. 2. СПб., 2002. С. 124, 130, 147–149.

Такая «демонизация» российской политики на Кавказе плохо согласуется со многими материалами, приводимыми в самой монографии: Козлов не всегда учитывает объективную закономерность и историческую обусловленность разыгравшихся на Северном Кавказе событий и реалий эпохи в целом, отступая от принципов историзма. Даже опираясь только на факты, приведённые в книге, можно заметить, что война между казаками и горцами, несмотря на всевозможные «куначества» и «аталичества», длилась, то затихая, то разгораясь, практически с XVI в., также, впрочем, как и война между самими горцами. И те «дружественные отношения» между казаками и северокавказскими народами, о которых раньше так часто писали историки, конечно же, не только не были постоянными, но в общем и в целом не выходили за рамки отношений между самими горскими племенами с обычным для эпохи военной демократии чередованием войны и мира, союзов с одними группировками против других и т.д. Скорее всего, уже с XVII в. казаки Терека воспринимались соседями просто как один из своих же кавказских народов, с существованием и интересами которого приходилось считаться. Сохранять же «патриархальный» характер (с «многовековыми традициями разрешения споров») эти отношения могли лишь до поры до времени — пока Северный Кавказ не стал ареной ожесточённого соперничества между соседними державами и пока у самих северокавказских народов не зашёл достаточно далеко процесс складывания собственных (раннефеодальных) государств, который, как и везде, сопровождался повышенной военной активностью и экспансией на соседние, в том числе казачьи, земли³⁷. В XVIII в. отчётливо наблюдается и то, и другое. У казачества Терека оставалось два пути: либо быть с Россией, либо с её врагами.

По последнему пути, как известно, пошли так называемые некрасовцы — большая группа донских казаков (около 2 тыс. семей), возглавляемых атаманом Игнатом Некрасовым, которые после разгрома Булавинского восстания в 1708 г. ушли на подвластную Османской империи Кубань. В дальнейшем численность некрасовцев возрастала за счёт новых беглецов, и все они стали послушным орудием в руках Турции и Крыма. Турки и татары не вмешивались во внутренние дела некрасовской общины, но жестоко пресекали попытки казаков покинуть её в ответ на неоднократные предложения российских властей получить прощение и вернуться на прежние места обитания. Вместе с кубанскими татарами некрасовцы совершали опустошительные набеги на саратовские, царичёвские, пензенские, симбирские, нижегородские, воронежские земли, а также на территорию Войска Донского. Эти акции сопровождалось сожжением селений, массовыми убийствами мирных жителей или их угоном для продажи в рабство, причём на родном Дону некрасовцы зверствовали не меньше, чем на других территориях.

Советской историографии была свойственна идеализация некрасовцев. Их представляли как непримиримых борцов с самодержавием, набеги на русские земли рассматривали как проявления «классовой борьбы», а в качестве жертв этих набегов упоминали лишь помещиков да «домовитых» казаков³⁸. Такой подход противоречил как элементарной логике (вряд ли турецкое самодержавие было лучше российского), так и конкретно-историческому материалу, давно введённому в научный оборот и в последнее время вновь ставшему доступным для массового читателя³⁹. После смерти в 1737 г. Игната Некрасова активность его последователей снизилась, но открытые (военные) и скрытые (шпионаж) действия некрасовцев против России продолжались до потери Тур-

³⁷ Россия и Кавказ: 400 лет войны? М., 1998. С. 36.

³⁸ *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России... С. 276–277.

³⁹ *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Екатеринбург, 1910. С. 603–610; *Селищев Н.Ю.* Казаки и Россия. С. 123–127; *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 162–174; *Шамбаров В.Е.* Казачество: путь воинов Христовых. М., 2009. С. 255–256.

цией Северного Кавказа в конце XVIII в. Судьба изменников складывалась трагично. При эвакуации с Кубани много детей и женщин погибло. Часть некрасовцев ушла в горы и впоследствии растворилась среди «черкесов», а переселившееся к туркам большинство продолжало служить султану уже непосредственно в составе его войск.

Вопреки мнению Д.В. Сеня, склонного к идеализации положения некрасовцев на чужбине, Турция не стала для них ни «обетованной землей», ни родным домом. И.Ю. Васильев и А.И. Зудин обратили внимание на то, что в неплохо изученном фольклоре некрасовцев не встречается «ни одного примера позитивного образа мусульманского государства, его правителя и народа»⁴⁰. Замкнутые старообрядческие общины некрасовцев с течением времени всё труднее вписывались в реалии новой жизни на чужбине, и численность «игнат-казак» неуклонно сокращалась. Эпидемии, бытовые лишения, обострение межнациональных и межконфессиональных отношений, ассимиляционная политика турецких властей после революции 1918–1923 гг. — всё это вынудило некрасовцев в конце концов покинуть Турцию. Большинство вернулось в Россию. Этот «исход» начался в первые десятилетия XIX в., а завершился в основном в начале 1960-х гг. Многие некрасовцы уехали в Америку и рассеялись по свету⁴¹. Что же касается обстоятельств, побудивших И. Некрасова уйти со своим войском на Кубань, то они требуют не только детального, но прежде всего объективного анализа, на который далеко не всегда оказываются способны даже профессиональные историки, захлёстываемые, порой, вполне понятными эмоциями.

Восстанию Булавина предшествовал долгий период массового бегства населения (главным образом крестьянского) на Дон из «коренных» областей страны. Люди уходили «в казаки» группами по 100, 200, 300, 500 и более человек, причём с жёнами и детьми, поднимаясь целыми деревнями и сёлами. Вследствие этого многие из соседних с Войском Донским уездов «запустились», население «верховых» казачьих «городков» увеличилось в 10–20 раз, и в верховьях Дона, по Хопру, Медведице, Иловле, Бузулуку и Северскому Донцу возникло много новых «городков»⁴². С началом войны за Балтику и в ходе петровских преобразований, требовавших всё больше солдат, рабочих людей и налогоплательщиков, массовая утечка «живой силы» стала для российского правительства неприемлемой. Вопрос о ликвидации старинного казачьего права не выдавать беглых и о ещё большем сужении казачьей автономии был предreshён, тем более что после укрепления к этому времени позиций России на Юге возможностей проводить по отношению к казакам более жёсткую политику у правительства прибавилось. В 1707 г. последовал царский указ о выдворении с Дона и возвращении на прежние места жительства всех, кто поселился у казаков после 1695 г. Экспедиция на Дон кн. Ю. Долгорукова с целью розыска беглых и последовавшее затем подавление Булавинского восстания осуществлялись с непомерной (пусть и преувеличиваемой в некоторых работах) жестокостью, привело к огромным, неоправданным с любой точки зрения

⁴⁰ Васильев И.Ю., Зудин А.И. К вопросу о «многовекторности» развития... С. 26–27.

⁴¹ Казачий словарь-справочник / Сост. Г.В. Губарев и А.И. Скрылов. Т. 2. Калифорния, 1968. С. 209–212; Люшин И. Мы пошли к своему языку... // Вокруг света. 1980. № 11; Смирнов И.В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 97–107; Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003. С. 224, 226; Власкина Т.Ю. «Вернулись казаки до своего языка»: реэмиграция 1962 г. в устной традиции казаков-некрасовцев // Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С.В. Павловского. Материалы конференции. Краснодар, 2010. С. 154–158.

⁴² Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. VIII. М., 1993. С. 170–171; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М., 1996. С. 317–318; Пушкарёв С.Г. Донское казачество... С. 117–118; Подъяпольская Е.П. Известия о роде Булавиных // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. С. 69; Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 139.

жертвам⁴³. Тем не менее неправомерно считать карательную акцию российских властей «подлинным погромом», «геноцидом» казачества или первым в нашей истории «рассказачиванием» (по аналогии с «рассказачиванием» 1919 г.), как это делают некоторые историки, писатели и публицисты⁴⁴. Правительство Петра не ставило своей целью ни физическое уничтожение донского казачества, ни ликвидацию его служилого статуса в качестве Войска Донского, как это предписывалось директивами большевистского правительства 1919–1920 гг.⁴⁵

Действия российских властей на Дону в 1707–1709 гг. диктовались сугубо прагматическими соображениями и были исторически обусловленными. Сложно себе представить поступательное развитие нашей страны в XVIII в. без укрепления роли государства в её жизни, но оно, государство, в XVIII в. уже не могло мириться ни с массовой потерей людей из-за бегства в казачьи области, ни с помехами, чинимыми его дипломатии самовольными действиями казаков на южных границах, ни с самим существованием на своей территории сообществ, живущих грабежами и разбоями. Да и сами казаки в силу новых исторических реалий уже не могли рассчитывать на то, чтобы «кормиться зипуном», и после подавления Булавинского восстания всерьёз взялись, наконец, за соху.

Казачья автономия с тех пор была сильно урезана, как и права Войскового круга, превратившегося вскоре в чисто декоративный орган, лишь своим названием напоминавший казакам об утраченном праве самим избирать войсковых атаманов. Но на низовом уровне (в станицах и хуторах) казачье самоуправление сохранилось вплоть до начала XX в. В таком направлении социальное устройство казачества менялось и само собой, демонстрируя тем самым объективный процесс классообразования. Казачья старшина с середины XVII в. приобретала в «войске» всё больший авторитет и вес и всё больше прав в ущерб прерогативам Круга, но, по словам С.М. Маркедонова, «если узурпация власти Круга старшиной носила эволюционный характер, то меры Петра I были революционным потрясением для казачества»⁴⁶.

Как отмечал М.Т. Белявский, российское правительство вовсе не собиралось ликвидировать казачество. «Может показаться странным, — писал он, — что в условиях распространения крепостничества на новые территории казачество не только сохранилось, но и становилось полупривилегированным служилым сословием, которое не платило подушной подати и пользовалось рядом прав и привилегий, в том числе и правом самоуправления, впрочем, ограниченным и строго контролируемым Военной коллегией и другими органами государственной власти. Казачество было нужно абсолютизму. Являясь иррегулярным войском, оно не требовало таких расходов на содержание, как регулярная армия, и играло существенную роль в составе кавалерийских войск русской армии»⁴⁷.

Некоторые казачьи идеологи, живописуя невзгоды, обрушившиеся на казаков со стороны Российского государства в XVIII в., не приемлют определения

⁴³ Подьяпольская Е.П. Известия о роде Булавиных. С. 69–70; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России... С. 276, 280; Буганов В.И. Указ. соч. С. 122, 147–148.

⁴⁴ Смирнов И. Век нынешний и век минувший. Диптих к большому переименованию // Знание—сила. 1990. № 12. С. 10; Казачий Дон... Ч. 1. С. 86; Никитин В.Ф. Казачество. Нация или сословие? С. 241, 408; Шишов А.В. Казачьи атаманы. М., 2008. С. 91; Алмазов Б.А. Мы казачьего рода. С. 493.

⁴⁵ Ср.: Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России... С. 286; Казаки России. Кн. 2. Донское казачество в Гражданской войне. Сборник документов. 1918–1919 гг. Ч. 1. М., 1993. С. 264–277; Казаки // Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. 1994. № 1. С. 38–44; Генис В.Л. Рассказачивание в Советской России // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 42–55; Трут В. Истребить поголовно // Родина. 2004. № 5. С. 95–97.

⁴⁶ Маркедонов С.М. Казачий круг как политический институт // Полис. Политические исследования. 1996. № 1. С. 152.

⁴⁷ Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М., 1987. С. 36.

казачества как привилегированного (и даже полупривилегированного) сословия. Вот что пишет по этому поводу Б.А. Алмазов: «Несмотря на утверждение, что казаки — сословие привилегированное — как же! подати деньгами не платят (зато платят кровью!), — было оно фактически одно из самых обездоленных в Российской империи. Хуже крепостных крестьян»⁴⁸. Похоже, уважаемый писатель имеет весьма смутное представление о положении крепостных крестьян в России (которое в XVIII в. уже мало чем отличалось от рабского) и, кроме того, видимо, убеждён, что никто, кроме казаков, не проливал кровь за Отечество — ни дворяне, ни тем более призванные на военную службу крестьяне... С историческими реалиями больше согласуются слова генерала А.С. Лукомского, председателя Особого совещания при А.И. Деникине: «Трудна была служба казачества, но оно пользовалось таким экономическим благосостоянием и такими льготами, которых не знала ни одна часть прочего населения России»⁴⁹.

Подчинение вольного казачества Российскому государству, бесспорно, происходило с массой «издержек» и «перегибов»; многих из них при более продуманной, более гибкой политике центральной власти можно было бы избежать. Но это был исторически обусловленный и даже необходимый для дальнейшего развития как государства, так и самого казачества процесс.

Российское великодержавие явилось неременным условием выживания страны: это признают сегодня не только отечественные, но и некоторые зарубежные историки⁵⁰, и оно дорого обошлось всему русскому народу, а не только казачеству. Трагические события, произошедшие при ликвидации казачьих вольностей, нуждаются в дополнительном и, главное, беспристрастном исследовании. То, что нам известно об этих событиях на сегодняшний день, заставляет задуматься над вопросом о цене исторического прогресса, о старой, как мир, проблеме соотношения общих и частных интересов, которая давно поднималась в русской литературе. Ещё В.Г. Белинский призывал признать «торжество общего над частным, не отказываясь от нашего сочувствия к страданиям этого частного»⁵¹. А в связи с судьбами казачества ту же мысль повторил в 1928 г. белоэмигрант генерал С.А. Щепихин: «Логика истории неумолима, и она вынуждает к жертвам частного во имя целого»⁵².

Ликвидация казачьих вольностей (как и казачьих своеволий) рано или поздно должна была произойти, под чьим бы патронажем — России или сопредельных стран — ни оказались казачьи территории. Стать привилегированным (пусть даже «полупривилегированным») сословием сильного государства — это был отнюдь не худший вариант эволюции казачьих сообществ, и он с неизбежностью последовал в XVIII в. С тех пор казаки принимали самое широкое и активное участие во всех войнах России, и нельзя не заметить, что именно на имперский период её истории приходятся наиболее яркие страницы в летописи казачьей воинской славы. Это признают и образованные представители современного казачества. Именно «на государственной службе, — подчеркнул в 2010 г. Верховный атаман Союза казаков России П.Ф. Задорожный, — обрели казаки расцвет, духовный взлёт, проявили блеск удали и дерзкой отваги, самоотверженность и верность присяге»⁵³. Остаётся пожелать, чтобы к компетентным мнениям специалистов прислушивались все активисты «казачьего возрождения».

⁴⁸ Алмазов В.А. Мы казачьего рода. С. 481.

⁴⁹ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2007.

С. 60.

⁵⁰ Российское государство от истоков до XIX века... С. 26–29, 39.

⁵¹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1955. С. 542.

⁵² Щепихин С.А. Несколько мыслей о судьбах казачества // Казачество: Мысли современников...

С. 329.

⁵³ Задорожный П.Ф. Предисловие // Союз казаков России. 1990–2010. М., 2010. С. 3.